

В. А. Пяст

Из книги "Встречи"

Подготовка текстов В. Вельяшева
"Наше наследие", 1989, No 4
[OCR Бычков М. Н.](#)

ВОШЕЛ В КРУГ

В первое, или во второе, январское воскресенье в числе других дневных гостей в квартире "дома Мурузи", т. е. у Мережковских, - был Александр Блок.

Я описал свое впечатление от этой первой встречи с ним в своих "Воспоминаниях".

Записал там и то скромное благородство, с которым он вступил в спор с влиятельным в литературном мире лицом по поводу стихов отсутствовавшего тогда поэта. Дело касалось последнего стихотворения Бальмонта.

Один умерший теперь поэт, к которому Блок относился без сочувствия и всегда утверждал, что он, Блок, его не понимает, - этот поэт, несмотря на это, всегда отмечал у Блока, как наиболее характерный его человеческий признак, - благородство; говорил, что Блок - воплощение джентльмена и, может быть, лучший человек на земле.

Да, Блок выискивал в этом, действительно же, банальном стихотворении - выискивал сейчас же нечто хорошее - прекрасную сторону:

*О, Елена, Елена, Елена...
Ты и жизнь, ты и смерть кораблей...*

Именно ее и выдвинул на первый план, а не банальное начало. "Рыцарь с ног до головы", Блок и не мог иначе поступить, раз Бальмонта тут не было, раз брань по его адресу раздавалась за глаза...

В течение этой весны 1905 года я еще раза два, может быть, встретился с Блоком, здоровался; но собственно "настоящее" знакомство началось с осени. За весну гораздо ближе мне довелось познакомиться с приехавшим из Москвы - вот уж не помню, 9-го января или в следующее воскресенье (у Андрея Белого в "Воспоминаниях" это указано точно, - а моя тетрадь с записями того года для меня погибла), с другим, носившим еще студенческую форму предметом моего восхищения, - с этим самым Андреем Белым.

Но в салоне были и еще несколько студентов, и все в сюртуках. "Литературные студенты" в те годы обыкновенно носили длинные сюртуки, а не тужурки. Иногда - довольно щеголеватые; но какая-нибудь деталь: плохо вычищенный, а иной раз и просто "просящий каши" сапог или ботинок, выдавал принадлежность каждого из них "к богеме", а не к "белоподкладочникам".

Эти студенты были: тогда - философ, впоследствии же оказавшийся не только кельтистом и романистом, но и видным шахматистом (как странно было бы мне, питавшему пристрастие, - и страшно стыдившемуся этого пристрастия в литературных кругах, - к этой игре, - как странно чувствовал бы я себя в тот день, если бы я каким-нибудь чудом услышал или узнал о будущем Александра Александровича!) - А. А. Смирнов, в то время уже известный мне как поэт, автор двух (и кажется - вообще напечатавший только эти два стихотворения) прекрасных вещей (из сборника "Гриф"):

*В моих жилах течет кровь библейских царей;
В моих жилах течет кровь библейских пророков,
И звучат голоса неотступных намеков...*

И другого: